

АЛЕКСАНДР КАТКОВ

* * *

Это мы, Господи, ненавидящие друг друга,
Навесившие на грудь православный крест.
Почему мы не умерли, оцепенев от испуга,
Узрев содеянное в себе и окрест?

Это мы, стоящие в очередях за водкой,
Ожидаящие голода и гражданской войны,
Падающие в пучину каждый в своей подлодке,
Чтоб отлежаться поглубже от этой штормящей страны.

Ты отрёкся от нас, отмывая от копоти,
Лишая разума и Всевышней любви.
И вздохнуть некому: “Это мы, Господи,
Тобою забытые, грешные дети Твои...”.

* * *

Я ночью выломлю фрамугу
И закричу за рубежи
Уже единственному другу:
“Мой крест тяжёлый поддержи!”.

Наверное, мы что-то значим,
А коли так, над смертным рвом
По нашей Родине поплачем,
Стирая слёзы рукавом.

Ах, как мы раньше голосили
И ни о ком, и ни о чём...
Россия, девочка-Россия,
Прижмись и ты своим плечом.

И мы озябшими руками
Поднимем, донесём свой крест
Под грозowymi облаками
До дальних мест, до горних мест...

МОЛЕНИЕ О ЦЕНЗУРЕ

Боже, верни мне цензуру Твою,
Глас Твой оттуда, из раннего детства,
Чтобы не стать на последнем краю
Средь богохульства и непотребства.

Я не из тех, кто ни нашим, ни вашим,
Среди словесной этой пурги.
Дочку мою, эту девочку Дашу,
Ты, если можешь, — её сбереги.

г. Кемерово

ВЛАДИМИР СОРОКАЖЕРДЬЕВ

ДАЛЬНИЕ ЗЕЛЕНЦЫ

Скалы угрюмо-серенькие.
Камешки-леденцы.
Не утопают в зелени
Дальние Зеленцы.

— Было ли нынче лето?
— Грело чуть-чуть, слегка...
Это, друзья, край света —
кромка материка.

Море — у ног. Огромно.
Ветры порой — держись!
Зелени — очень скромно.
Так и проходит жизнь...

* * *

На фундаменте церкви вчерашней,
что не помним ни я и ни ты,
встала водонапорная башня.
Без воды — ни туды, ни сюды.

И гордились громадой такою.
Ворон пел: стало жить веселей.
Но за общей колхозной водою
что-то люди не стали добрей.

Видно, жгла незажившая рана
за паскудные чьи-то труды.
Одиноко в деревне без храма,
без него — ни туды, ни сюды.

...И живут ныне в памяти цепкой,
Как связующие провода,
эта башня и новая церковь,
И тропинки — туда и сюда.

г. Мурманск

СЕРГЕЙ ВАКОМИН

РАЗРЫВ

Войти отчаянно в вагон,
где пахнет свежестью весною,
где сквозь открытое окно
плывёт рассвет навстречу зною;
засунуть вещи под диван,
смотреть в простор зеленоватый
и вспоминать, что ехал зря,
что ты совсем не виноватый...

Хотя и было нелегко,
в душе ворочалась обида.
Но — расставаясь поутру,
ты даже ей не подал вида.

И вот теперь,
войдя в вагон,
когда рассеялись сомненья,
когда сияющий простор
открыл тебе свои владенья,
вдруг ненароком ощутил:
она с тобою, где-то рядом...
И чахлый вид осин вдали
тебе вдруг показался садом.
Тем садом, что встречал тебя
в росе и звёздах
на рассвете;

Где ты накинул свой пиджак,
на плечи ей —
был сильный ветер.
И сердце торкнется — назад!
И словно не было печали:
отворена калитка в сад — и всё воскресло,
как в начале.

В ДЕРЕВНЕ

Наташе

...Я помню, как сильные птицы
в тот год улетали на юг,
чтоб ранней весной возвратиться
для новой любви и разлук.
Вот я, от восторга немея,
по житу бегу босиком...
Ах, время! Ценить не умея,
его окликаю тайком.
Всё кажется: утром росистым
бегу озорно по земле,
где рощи ольховые мглисты
и топятся бани в селе...

Бегу — по приветной, желанной,
а ветер в берёзах гудит...
И дедушкин дом деревянный
оплотом семейным стоит!
.....
Осеннего дня позолота
украсила землю с утра,
и где-то токуют
долота —
вернулись на Русь мастера!
О, детства весёлое время,
сегодня напомнило мне,
как в роще шумели деревья
и солнце купалось в стерне...

НА ВОЛОГОДЧИНЕ

*Я буду скакать по холмам
задремавшей отчизны...*

Николай Рубцов

Наважденье какое-то это:
всюду слышится
голос поэта!
Он зовёт,
он пророчит,
грустит,
жаворонком над полем —
звонит...
Тишина
по холмам и селеньям,
словно не было здесь никогда
ни беды,
ни других потрясений.
Те же ивы
и та же вода...
Тот же сумрак
над лугом струится,
лошадь белая щиплет траву,
Машет крыльями
вещая птица —
мир Поэта,
ты весь на виду!
вот и храм,
что казался виденьем,
нынче вновь
наполняется пеньем...
Да порой меж полями
в ночи
скачет всадник...
Кричи — не кричи...

г. С-Петербург

АНДРЕЙ КАНАВЩИКОВ

ПАРТИЗАНЫ

Оторвалась Россия, как тромб,
На границах кровавые раны,
Без землянок, подполья и бомб
Мы сегодня, как есть, партизаны.

Не надеется вражий десант
На покорность забитого росса.
И страшится опять оккупант,
Что слетят эшелоны с откоса.

Он глядит в темноту, где от пуль
Иль от звёзд огонёчки мерцают, —
Вдруг опять поведёт полицаев
За деревню советский патруль?

РАЗГОВОР

Сидели на кухне за чаем,
И вдруг — наподобье звонка:
— А знаешь, был дядька начальник
Уездной Мценской ЧК.

— Пстой!
Но чуть раньше я слышал,
Что мценский тот родственник твой
Хватил лагерей и вышку
Где-то за Колымой.

Чайку отхлебнул:
— Неважно,
Ну, что ж, что один был зека,
Брата родного сажал он,
Который из Мценской ЧК.

В копоты стыли иконы,
Крест выпадал из горсти,
Рodne золотые погоны
Брат из ЧК не простил.

Горел, ошибался, оружие
На ночь под голову клал,
Он верил, что так было нужно
Крепить душевный закал.

Когда ж в той кровавой бане
Слетел с революции нимб,
Был дядька лишён всех званий,
Расстрелян за перегиб.

А может, в сраженьи жёстком,
Где смерть искупленью близка,
Была нам жестоким уроком
Судьба человека ЧК?

Чтоб жить не для сытной кормушки,
Где важен лишь денежный клёв,
А помнить, что есть у нас Пушкин,
Есть Мусоргский, есть Королёв!

А если цинизм и двуличие
Зависнут стволом у виска? —
Мы вспомним красных опричников,
Начальников Мценской ЧК!

ВОЙНА

Взрыв... Осколки... Метро в огне...
И носилки у моргов плывут...
Я погиб в беспощадной войне,
Где нет правил и в плен не берут.

А потом я шагнул из окна,
Безнадёжность свою волоча,
Без работы, без дома, без сна
И с трёхзначным рецептом врача.

И от водки лихой захлебнусь,
Я уйду в деревенский запой,
Где давно уж рифмуется Русь
С лебедой да крапивой глухой.

Где нет пашен и скирд на жнивье,
Лишь бурьян да копеечный труд,
Гибнем мы в беспощадной войне,
Где нет правил и в плен не берут.

г. Великие Луки

ВАЛЕРИЙ АУШЕВ

МОРЕ СТАВИТ ЧЕЛОВЕКА

— Принимай, Архангельск-город,
Наш корабль из Холмогор!
По синеющим просторам
Резво движется гукор.

Одобрительно кивает
Ломоносову помор:
— Как тебя судьба кидает:
С малых лет — в крутой помол...
Ты, зуёк, пока подросток,
Но характером — в отца,
И сломить не так-то просто
В Белом море удалца!
Явишь коль слабинку в море,
Станешь к сиверко спиной,
Не бывать тебе в фаворе
В нашей службе ледяной,

Не обласканной, суровой,
Маятной день изо дня.
И в избушке промысловой
Не разжечь, коль слаб, огня...

— Мне бахвальство ум не гложет,
И зазнайство ни к чему,
По одежке встретят, может,
Да проводят по уму.
Я не кормщик, как мой тятя,
А вот сон и в штиль нейдёт
От раздольной благодати,
От лазурных, чистых вод...

Кораблём Михайло правит,
Укорачивая бег:
— Человека море ставит,
А сноровку — человек!

ПО КРОМКЕ ЛЕДОВИТОГО ОКЕАНА

Он в Кунсткамере указкой
Глобус нервно тормошил:
— Путь не кажется мне сказкой,
Я в него всю жизнь вложил!
Верю: кочи и гукоры —
Бороздить начнут просторы.
Право, будет день велик! —
Там, где берег лют и дик,
Где беспутные морозы
Море выстудить хотят,
А в безмолвных льдах торосы
Все опасности хранят.
Но в скупых лучах светила
Небездвижен океан.
В чём его могутна сила? —
Им самим ответ мне дан.

Быть не вечно же в остуде
Нашим северным морям.
И по ним пробьются люди
К новым землям и краям.
И в Китай дорога ляжет,
И в Ост-Индию придёт.
Зим российских пух лебяжий
Долетит до тех широт...

Чем короче в страны Света
Мы прокладываем путь,
Тем быстрее вся планета
Поспешит к нам заглянуть.
Пусть дивятся россиянам,
Что сметливы и крепки,
Что идут по океанам
Постигать материки!

г. Архангельск

ЕЛЕНА БАЛАШОВА

ПАПИН ВАТНИК

Сэконд-хэнд, сэконд-хэнд... — Барахло на продажу.
Как хотите: поштучно? А может, на вес?
Барахло из Европы, из Америки даже...
“Прочно, выгодно, дешёво”, — шепчет вам бес.

Мне припомнится папин поношенный ватник.
Он в любые согреет меня холода,
Потому что посажены мамой заплатки...
Не для форса — для жизни он шит,
для труда.

* * *

На зимнего Николу иду я к дядьке в гости,
А дядька — алкоголик, он жизнь свою пропил.
Шагаю я по тропке, шагаю через мостик...
Ну, мостик — это громко, — дощечка без перил.
У дядьки пусто в доме. Уехала старуха.
А нынче — именины, а сердце чем согреть?
А нынче он, конечно, как и всегда, “под мухой”,
Некрасова прочтёт мне и песни будет петь.

* * *

Распахнута душа навстречу сентябрю,
Последнее тепло прощальной ласки лета.
Я ничего не жду, я просто подарю
Всё, чем душа жива и чем ещё согрета.
На одичалый мир вот этот детский взгляд,
Быть может, станет он нечаянным открытием...
Я ничего не жду, я не вернусь назад,
Я просто лишь скажу: “Прощайте и — простите”.

Распахнута душа... Последнее тепло.
Как сладостно мне быть отчаянно свободной!
Лети, моя душа, ты встала на крыло,
И путь твой предрешён осеннею природой.

г. Чухлома

ВАЛЕРИЙ ТИХОНОВ

МАТЕРИНСКИЙ НАКАЗ

Никто не будет так переживать
за наши беды,
радости,
тревоги,
как мама.

Помню, выйдя провожать,
она сказала:

“Там смотри, в дороге...”...

Я, может быть, лишь этим и спасён, —
что до сих пор как будто на пороге.
Куда б судьбою ни был занесён,
я вспоминаю:

“Там смотри, в дороге...”...

Да, надо помнить, а не вспоминать —
тогда усталость не подкосит ноги.
...Какою силой обладала мать,
когда сказала:

“Там смотри, в дороге...”!..

ПОСЛАНИЕ ПОЭТУ

Вначале тихо звук всех нас коснётся,
А после — свет.
И жизнь вокруг полней осознаётся
С тобой, поэт.

Нам всё твердят, сощурясь нагло, вато,
Что жизнь — борьба.
А ты сказал, нам оставаясь братом,
Что жизнь — судьба.

Пусть будет слаще наслажденье звуком,
Пусть будет свет!..
Никто с порога не войдёт без стука
В твой мир, поэт.

В покое — вечность, вечность — не в покое,
За звуком — свет...
Что знаешь ты про нас про всех такое,
Скажи, поэт?..

г. Барнаул

ТАМАРА НЕЧАЕВА

НЕЗРИМАЯ ВОЙНА

Уже зима сугробы намела,
И небеса безжизненны и хмуры.
Чужое солнце не даёт тепла,
Свой мех пора отращивать из шкуры!

И ряженных по весям, городам
Охотники возьмут нас под прицелы.
Закон тайги — спасайся каждый сам,
Терпи её хозяев беспределы.

Жизнь без мечты, без правды, без идей!
А жили мы по совести и чести.
И каково нам из людей — в зверей,
В наш век последней сатанинской мести?

Здесь Лжи отец вознёсся над судьбой,
Меж братьями посеял он раздоры.
Но в атомах спасённая любовь
Откроет все темницы и затворы!

Дышал над нами Бога интеграл
И звал на бой, и звал на труд героя!
Две производные подсуетился, взял
Международный вор — с души и строя.

Под игом Русь, как много лет назад!
Антихрист здесь! Но он под маской друга.
И Минина с Пожарским ищет взгляд —
Тогда наш дом был шляхтою поруган.

Горит Восток! Но солнце в небесах
Закрыто тьмой, к нам с Запада ползущей.
Всем миром надо Родину спасти,
Пока играет стяг, к борьбе зовущий!

* * *

Она была куратором детсада
И принимала здание под ключ.
Здесь было всё, что только детству надо,
Ряд малых форм, бассейн, фонтана ключ.

Детей за символические цены
Растили в тех советских детсадах.
Но кто-то всё кричал про перемены
И поднимал Гулага пыль и прах.

И зажигал пожары Карабаха,
Готовил экономики застой.
И вся страна уже лежала в прахе,
Со дна поднялся весь людской отстой.

Тот детский сад давно уж стал борделем,
Та зав. детсадом тронулась умом.
Накрыло право на бесчестье селем
Отчизну, как Гоморру и Содом.

Горит душа народного героя,
Гиперборея и богатыря!
Я знаю, в мире не прожить без боя,
Как не сберечь заслуги Октября.

И в недрах, и в душе народа — жало.
Пьёт жизнь тоталитарный капитал.
А жизнь себя борьбою утверждала,
Об этом даже кроманьонец знал!

*г. Усть-Каменогорск,
Казахстан*

ЛЮДМИЛА ВЛАДИМИРОВА

* * *

*Низкий дом с голубыми ставнями,
Не забыть мне тебя никогда...*

С. Есенин

Днём ясным — бельма ставен.
— Не ясно ль? — Дом оставлен.
И двор по грудь — травую-лебедой...
Дверь сорвана с петель —
Дуй, сорная метель! —
Повеяло нешуточной бедой.

В сенцах в прореху — течь,
Зияет раной печь,
Раззявлен подпол: половицы — вдрызг...
Что, милый мой, стряслось,
Зачем мне привелось
Разор увидеть? И без прав на иск...

А Солнце
 сквозь щелочку ставен
Гуляет на голом
 полу босиком...
Оставлен! —
 родной мой и мамин,
Единственный
 светлый наш дом.

Из дали в тыщи вёрст
Не убережь нам гнёзд:
Тош кошелёк, и жизнь-то — под уклон...
И ты приговорён —
Трёх поколений дом, —
Как ветхий, осуждён идти под слом.

И не спасти никак.
А здесь — мой первый шаг
И первый смех, и слово, и зубок...
Зарубкою: “Расти! —
Мне шепчешь. — Не грусти!
Не попрощавшись, я уйти не мог...”

А Солнце
 сквозь щелочку ставен
Гуляет на голом
 полу босиком...
Беды не поправим,
 и плакать не вправе,
Прости,
 мой единственный дом!..

* * *

*Русь — прадедам, Россия —
нам,
Вам — просветители
Пещер —
Призывное: СССР!..*

М. Цветаева

Я оказалась за границей,
Не выезжая никуда.
В нелепом сне могла присниться
Неумалимая беда.

Осталась только Украина.
Живое сердце — пополам —
Не мне одной, моя Марина...
Осмелилась... Сплошной бедлам —

Спросили, все переиначив,
Вновь оболванили народ.
Тысячелетий мало плача,
Лей вновь, Иван, и кровь, и пот!

В их море всплыть, жиреть надеясь,
Что им потомков Божий суд?!
Но Герострата славой греясь,
К Иудову концу придут.

г. Одесса

ЯРОСЛАВ КАУРОВ

* * *

Горят алмазно и хрустально
Сугробистые глыбы льда,
Зима ещё патриархальна
В провинциальных городах.

Снег, словно мех у норки, ровный,
И кажется, что через миг
Из переулочка на дровнях
Проедет мимо вас старик.

Здесь далеко до жизни шума,
И, полон неземных забот,
Монашек, погружённый в думы,
Крестясь, по улице пройдёт.

* * *

Судьбой неведомой ведомый —
На счастье или на беду —
Я пленник родового дома
И старой яблони в саду,

И удивительного света,
Что тихо падал сквозь листву.
И будет длиться, длиться это,
Пока смотрю, пока живу.

Пока пишу, пока мечтаю,
Мой старый дом, мой старый сад,
Как колыбель, меня качают
И что-то тихо говорят,

И охраняют это сердце
Минуты, месяцы, года...
И я хотел бы после смерти
Остаться с ними навсегда.

Н. Новгород

ВЯЧЕСЛАВ ЧИЖОВ

* * *

Я не от мира сего,
Я из деревни Починки,
Где среди туманных лугов
Детства застыли картинки.

Где-то пятнадцать дворов
Плотно сошлись на пригорках,
Стадо — с десятков коров,
Гуси галдят на задворках.

Мне забежать бы на миг,
Глянуть на тихую речку,
Там под ветлою родник
Дорог особо сердечку.

Домик напротив берёз,
Но до него не добраться.
Жгучей крапивой зарос,
Той, что все дети боятся.

Слышится звук со двора:
Там за дощатым сараем
Батя мой пилит дрова,
Молод и незнаваем...

Старой деревни той нет,
Как и друзей нет в помине.
В сердце остался лишь след:
Вспомню — и плачу доныне.

СНЕГ

“Ибо снегу Он говорит: будь на земле”
Книга Иова 37,6

Давно нас так не засыпала
Обильно благодать,
Что жизнь внезапно белой стала
И точки чёрной не видать.
Иной воскликнет: снег, мол, выпал
И изменил черты окрест.
Но суть явления не постиг он.
Ведь снег-то, снег-то — он с небес!
Лишь Бог знал тайну превращения,
Того, что мир вдруг просветлел.
Всё из души — от всепрощенья,
Всё от любви и добрых дел!

* * *

*“И вложил в уста мои новую песнь,
гимн Богу нашему”*

Псалтирь 39,4

Прощай, мой стих, как прошлый день!
Я отдаю себя молитве.
Пусть ты красив, но ты лишь тень
Происходящей в небе битвы.

О, как меня расслабил ты,
Во многом страстен и тщеславен!
Всё тайно пестуешь мечты,
Чтоб стал поэт в миру прославлен!

Молитвослов — духовный меч,
С которым я могу спастись,
От лжи он может уберечь,
Чтоб истинной любви предаться!

г. Новороссийск

АЛЕКСАНДР КЛИНДУХОВ

* * *

Я вышел из беды, подобно Ною,
Хотя и сам совсем не без греха,
И вот тогда склонились надо мною
Черёмуха, рябина и ольха.

Мне так легко дышалось, даже пелось.
И я стоял, как выпивший слегка,
И лишь не осуждали мою смелость
Черёмуха, рябина и ольха.

...Исчезнет свет над крышкой гробовою,
И чтобы смерть не так была горька,
Склонитесь над моею головою,
Черёмуха, рябина и ольха.

* * *

Села сорока на ель и качается,
Будто ей всё нипочём,
Будто и жизнь никогда не кончается —
Бьёт своим вечным ключом.

Только завидовать вроде бы нечему:
Тоже, наверно, тоска
Так вот сидеть и качаться на веточке
Ели на крае леска.

Тихо бежит родниковая чистая
Струйкою тонкой вода,
И распознать ту великую истину
Мне не дано никогда.

СВИДАНИЕ

*...И волшебная птица
над нами в тумане кричит.*

У. Б. Йейтс, 1926

Как всё было давно. Потеряв тому времени счёт,
Я лишь помню: темно, мы с тобою бредём на восток
И стоим у реки, у обрыва... Вода в ней течёт
До сих пор в ту же сторону справа налево, как сок.

У калитки стоим металлической, та же скрипит
Непонятно зачем, завывая, меня достаёт,
Словно всё понимая, какой-то заштатный пиит
Предлагает красавице первой столь странный полёт.

Годы тихо минули, свидания канул и след.
Мы, конечно, состарились, не поднимая на щит
Обстоятельства жизни, бредём на восток много лет,
И волшебная птица над нами в тумане кричит.

г. Киров

ВЛАДИМИР ПАРФЕНОВ

ВОСПОМИНАНИЯ О ЗИМЕ

В хате космический холод
Лют, беспощаден и нем.
Был ли я в юности молод?
Что-то не помню совсем.

В тайнах сомнений былого
Все ли пути неясны?
Может быть, проще простого
Взять и спросить у жены?

Только в прошедшем далёком
Стоит ли дни ворошить?
Вдруг и порвёшь ненароком
Самую тонкую нить.

*с. Торбеево,
Калужская область*

АЛЕКСЕЙ БОРЫЧЕВ

ТЕРПЕНИЕ

Когда воцарился безумный царёк,
Восславились двое — Курок и Ларёк, —
Народы молчали.
Народы молчали, когда на войну
Бессмысленно выродок кинул страну.
Все были в печали.

Народы молчали... молчат и теперь,
Когда государство окрепло, как зверь,
Оскаливши зубы,
Готово бедою потешиться всласть! —
Такая уж чёрная дикая власть, —
Работает грубо...

И снова беда за бедою растёт,
И вновь у подъездов толпится народ,
Несчастный, забитый!
Века он молчал, и теперь он молчит!
Терпения нить — натянута — скрипит:
Ничто не забыто!

А ежели вдруг оборвётся она —
Узнает героев родная страна...

г. Москва